

О Т Ч Е Т

об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г.

I

Старая Русса—древний русский город—в исторической науке менее известен, чем такие города, как Новгород, Псков, Старая Ладога и др. В последние годы не написано ни одной работы по изучению прошлого города. Работы, выпущенные в дореволюционное время, меньше всего интересовались историей, они были посвящены главным образом Старой Руссе, как курорту¹.

Археологические раскопки на территории Старорусской земли не производились, тогда как случайные находки, исследованные мною, со всей очевидностью говорят о наличии здесь стоянки рыболовов-охотников в IV—III тысячелетиях до нашей эры (каменные топоры, керамика с ямочным орнаментом).

Археологические работы, призванные извлечь из земли сохранившиеся в ней памятники древней материальной культуры, являются совершенно необходимыми ввиду недостаточности для исследования истории города Ст. Руссы письменных источников. Стоит сказать, что и проведение раскопок также затруднено за отсутствием топографических данных до XVII века,² вследствие чего даже невозможно предполагать, в какой части города стоит искать древнейшее городское поселение.

До того, как приступить к многолетнему археологическому исследованию города, мною был составлен примерный план, заключающийся в следующих задачах:

1. Розыски древнейшего поселения рушан (I Новг. летопись упоминает город Руссу в XII веке, но ничего не говорит об основании города. Следовательно, „Русса“ возникает раньше).

2. Изучение древней топографии, характера поселения, назначения, размеров и техники сооружений.

3. Розыски различных мастерских (в Новгороде, например, за последние два года было открыто несколько мастерских, в том

¹ Работа М. Полянского „Исторический очерк Старой Руссы“ древнюю историю города излагает систематическим подбором летописной хроники, выделенной им в особый раздел.

² В 1625 году, по повелению Михаила Федоровича, под руководством Чоглокова было произведено подробное описание города Старой Руссы, дошедшее до нашего времени в более поздних списках.

числе: по обработке кости, шерстобитная, сапожная, кузнечная и маслобойная. Они были представлены многочисленными орудиями труда, характеризующими уровень производства в древнее время)¹.

4. Розыски материала, характеризующего различные черты культуры и быта.

5. На ряду с этим мною поставлена задача изучить сохранившиеся в городе и его окрестностях древние архитектурные памятники и использовать их как исторический источник при исследовании города Старой Руссы.

II

Раскопки начаты на площади совершенно не сохранившейся деревянной крепости². Это место по стратегическим данным явилось наиболее удобным. Крепость в форме треугольника стояла на перекрестке трех рек: Полисти, Перерытицы и Порусьи, где ныне музей. Крепость по данным описи Чоглокова (1625 г.) была построена в 1612 г.³ шведами во время захвата ими Старой Руссы.

В первой Новгородской летописи о военно-оборонительных сооружениях в Старой Руссе говорится под 1199 годом: „В то же лето в Русе город обложиха“ и под 1201 годом „Того же лета срубиша в Русе город“. Где стояла более ранняя деревянная крепость, определить пока невозможно, поскольку в Руссе были места в стратегическом отношении не менее выгодные, чем место на перекрестке выше названных трех рек. Поставили ли шведы крепость на новом месте, что сомнительно и ничем не доказано, кроме туманного сообщения Чоглоковской описи, или она стояла здесь с начала основания самого города — все эти, как и другие вопросы, в связи с недостаточностью письменных источников, должны разрешить дальнейшие археологические раскопки.

В Чоглоковской описи дается подробное описание как крепости, так и построек внутри ее: „Острог стоячей, в тарасех, а тарасы около всего острогу рублены в пяту венцов и насыпаны землею

¹ См. Новгородский Исторический сборник № 5 „Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г.“ и Новг. Ист. сб. № 3—4 „Раскопки на Ярославовом дворе“.

² Работа велась экспедицией Новгородской Секции Института Истории Академии Наук СССР в составе: Строкова А. А. (начальник), научных сотрудников Мантейфеля Б. К. и Сорокиной О. И. и фотографа Кудряцева И. С. Экспедиция приступила к раскопкам I-IX и проработала 20 дней.

³ По всей вероятности, крепость была капитально перестроена. Шведские документы упоминают также об укреплении, которое Делегарди устроил у Старой Руссы. Svea Rikes Historia under Konung Gustaf Adolf den Stores regering III Bandet. Stockholm. 1793

⁴ Новгородская I летопись.

⁵ Новгородская I летопись.

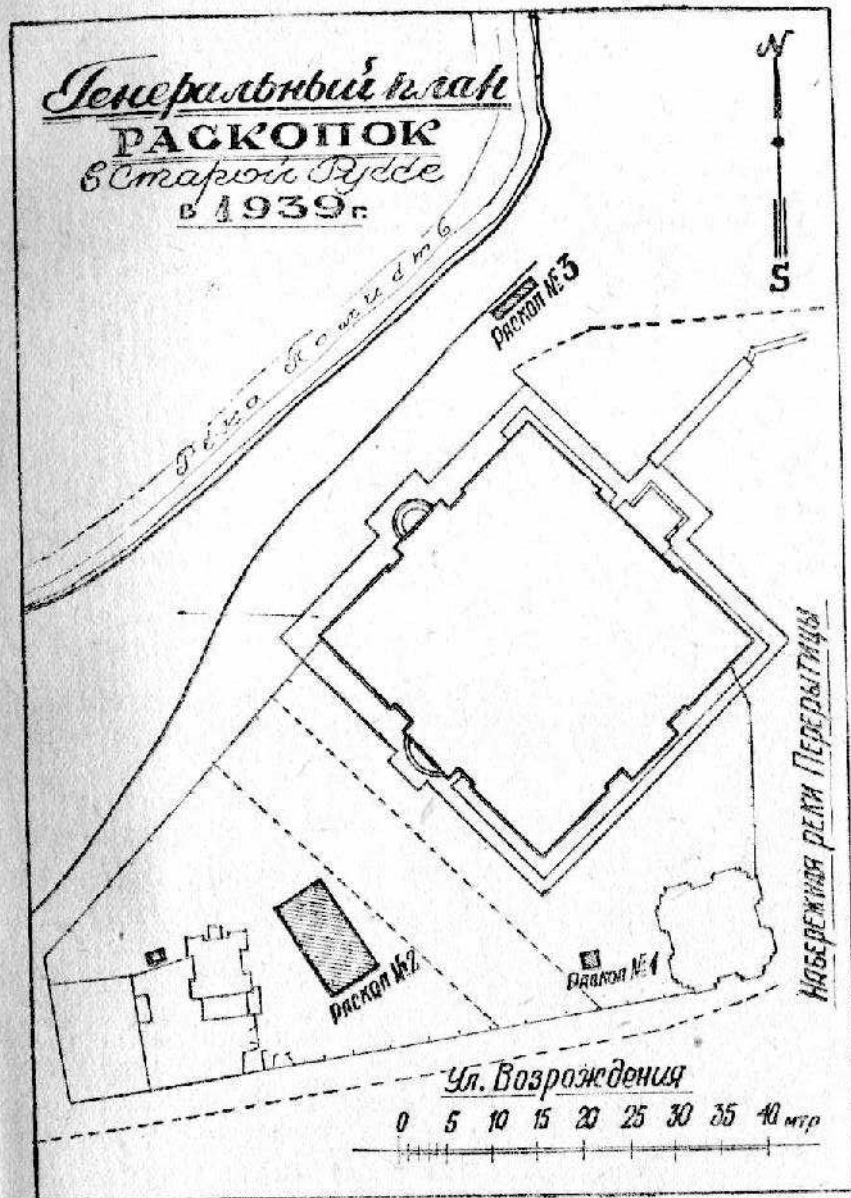

Рис. 1.

и по всему острогу катки, а меж острогу башни¹. На северной конечности мыса стояла Покровская башня. От Покровской башни в сторону реки Полисть на расстоянии 40½ сажень стояла башня Тайничная, от нее также в 40½ саж. башня Наугольная, стоящая на углу. От нее идет другая сторона треугольника от реки Полисть до реки Перерытицы. На этой стороне крепости на расстоянии 24¼ саж.² от Наугольной башни стоял „Бык острожной“, от него в 22 сажень Чертовесная проезжая башня и от нее на расстоянии 11¼ саж.³ опять „Бык острожной“ и затем в 47 сажень от „острожного Быка“ стояла Наугольная Перерытицкая башня, от которой идет третья сторона треугольника. От Наугольной Перерытицкой башни на расстоянии 61 сажени⁴ стояла башня Глухая Перерытицкая и наконец от Глухой башни на расстоянии 21 саж. и от Покровской на расстоянии 29½ саж. „обводный Бык“.

Таким образом крепость имела 6 башен и три „Быка острожных“.

Размеры башен в длину и ширину от 2 сажень до 5 сажень. Все башни прямоугольные за исключением одного „обводного Быка“ круглого в длину 17 сажень — вероятно многогранного⁵.

Внутри крепости стояла деревянная Покровская церковь, дворы воеводский, осадного дьяка, монастырские и стрелецкие. Лавки с разными товарами, покрытые места, где продавалась рыба, житницы, амбар (погреб) с зельем пушечным, питейный дом, да одна кузница Федора Быкова.

На площади крепости были исследованы три небольших участка. Один шурф площадью 4 кв. м. был заложен на юго-запад от колокольни Воскресенского собора.

¹ Цитирую по позднему списку Чоголковской описи, хранящемуся в Старорусском музее.

² В описи переписчик записал „24 сажени с четвертью“. При проверке „с“ исправлено другим почерком на „бес“.

³ Также исправлено „11 саж. с полчетвертью“ на „11 саж. бес полчетверти“.

⁴ Здесь также единица исправлялась. Разобрать насколько переправлено не представляется возможным, может быть на 67.

⁵ Размеры башен в списке Старорусского музея даны (в длину и ширину), но мной не приводятся в связи с многочисленными исправлениями в описи, а также с обнаруженными противоречиями со статьей „Старая Русса в первые годы XVII столетия“, помещенной в „Северном архиве“ в 1827 (27 ч.), где приводятся некоторые извлечения из Чоголковской описи, в том числе и о крепости. Автор этой статьи В. В. пользовался, как это можно заключить по предварительной проверке, другим списком Чоголковской описи.

В работе М. Полянского „Исторический очерк Старой Руссы“ при приведении данных Чоголковской описи о крепости допущен целый ряд грубых ошибок. Напр., он пишет, что башня „Глухая, иначе называемая слуховая, длиною 4½ саж., шириною 3¼, высотой над крепостью в 21 сажень“ (указанное сочинение, стр. 27).

В описи нет сведений о высоте башни, а даются размеры длины, ширины башен и их расстояния друг от друга. В данном случае М. Полянский высоту башни перепутал с расстоянием Глухой башни от рядом стоявшего „Быка“.

ПЛАН ОСТАТКОВ КУЗНИЦЫ ГЛУХОВИНА-10 см

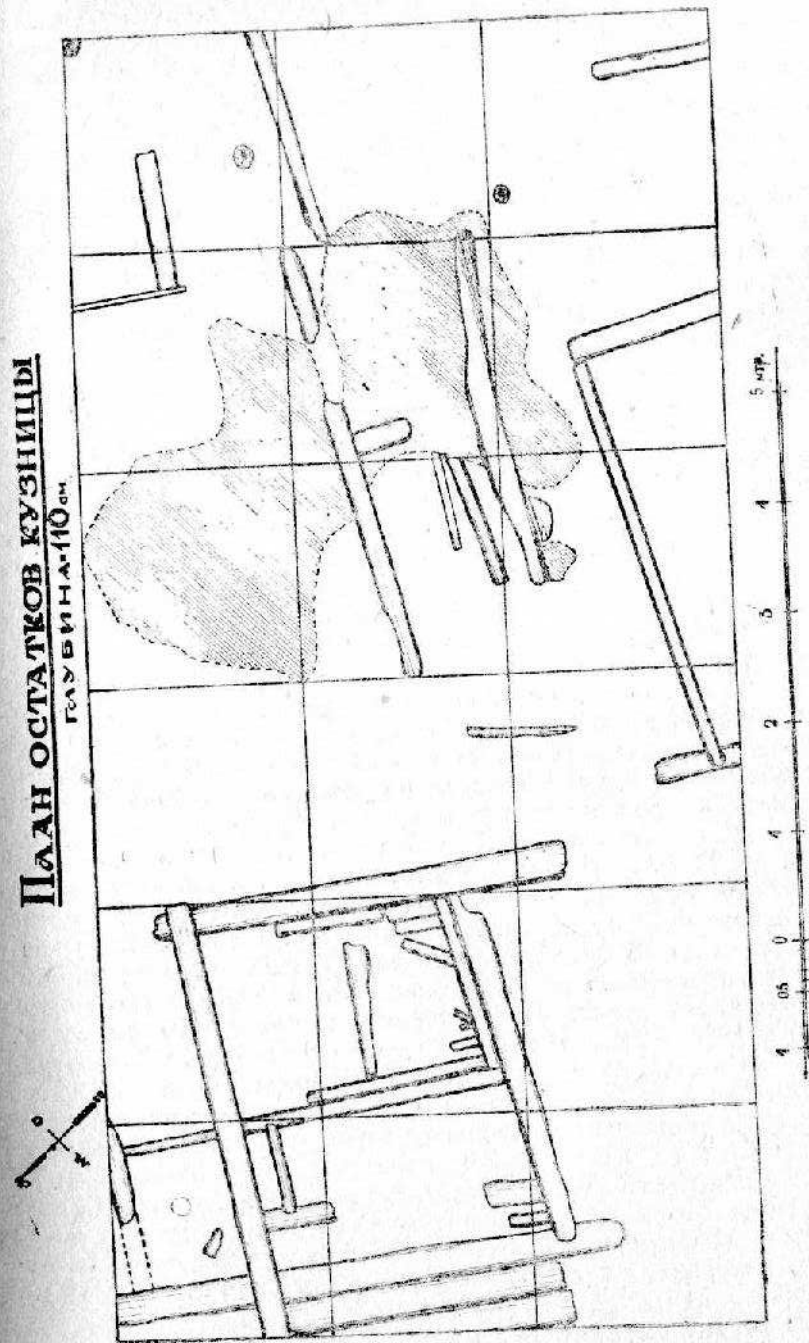

Рис. 2.

Для подсобной датировки культурных слоев очень важно раскоп связывать с древними архитектурными сооружениями. При раскопках в Новгороде значительно облегчалось послойное исследование на участках раскопов между церковью Параскевы Пятницы 1207 г. и Никольским собором 1113 г. на Ярославовом дворе и в Кремле на раскопе около Спасской башни. Даты сооружений и собственно археологические данные приводили к более правильной датировке¹. На площади Старорусской крепости сооружение самой ранней постройки относится к XVII веку — Воскресенский собор. В раскопе, находившемся поблизости к существовавшим здесь крепостным стенам, также в какой-то мере должны проявиться данные, подтверждающие построение (или восстановление) крепости в 1612 г., которые в свою очередь позволят более или менее точно ориентироваться в слоях до XVI века. Здесь нужно также подчеркнуть, что древние русские города в археологическом отношении имеют свои особенности как по вещевому материалу, так и по характеру культурного слоя. В Новгороде, например, слой XVI—XVII в. по своей мощности равен всему культурному слою, образовавшемуся на исследуемом мною участке в Старой Руссе.

Вот почему, приступая первоначально к работам в Старой Руссе, приходится особенно тщательно учитывать и выискивать всевозможные данные, могущие помочь правильно разбираться в вековых культурных напластованиях.

Культурный слой первого разведывательного раскопа оказался следующим (размеры даны по северной стене, но нижеуказанные слои проходили по всем стенам): верхний слой от 10 до 13 см., в основном дерновый, лежал на тонкой прослойке в 3 см. извести, повидимому относящейся ко времени перестройки Воскресенской колокольни в 1835 году и перестройки Воскресенского собора в 1833 году, затем шел серый слой с примесью песка с кирпичом и углем до 22 см., ниже слой желтого песка в 2 см. и строительный мусор (песок, известь с битым кирпичом) до 15 см., оставшийся, повидимому, от постройки колокольни 1798—1801 г.; ниже черный слой до 15 см. Слой остатков дерева со следами огня (постройки прослежено не было) до 10 см. и слой строительного мусора (желтый песок, битый кирпич, известь) — 10 см. от постройки в 1692—96 годах Воскресенского собора. Обнаруженный кирпич по форме производства XVII века. Ниже слой щепы до 8 см. Такое мощное залегание щепы свидетельствует о больших работах, связанных с деревянным строительством. И действительно, в 1612 году по данным письменных источников заново строилась или капитально поновлялась шведами деревянная крепость. Ниже этого слоя черный слой 18 см., затем слой глины с известью 11 см. и опять черный, но уже жирный слой, лежащий на материке со включением угля, остатков дерева 41 см.

¹ См. Новг. Ист. сбор. №№ 3—4 и 5.

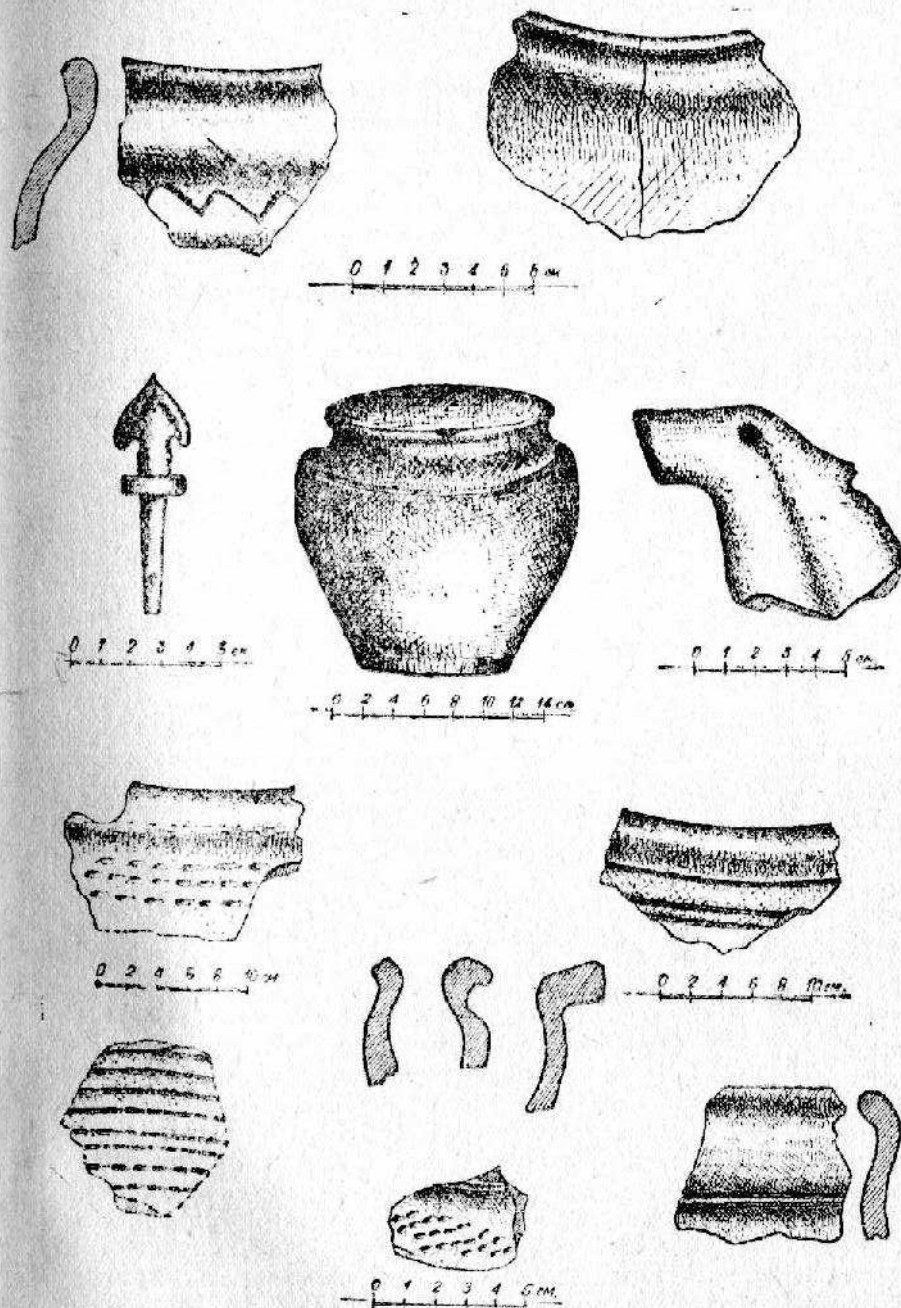

Рис. 3. В 1 ряду: фрагменты керамики, найденные на глубине 0,80—0,85 м.; во 2 ряду: костяная поделка с глубины 1 м., гл. горшок с глуб. 1,40 м. и носок от гл.рукомойника в виде головы зверя, глуб. 1 м.; в 3 ряду: фрагмент керамики с глуб. 1,10 м., профили горловин с глуб. 1,40 м. и фрагмент керамики с глуб. 1 м.; в 4 ряду: фрагменты керамики, найденные на глубине 1,50, 1,70 и 1,40 м.

Культурный слой до материковой глины в среднем равен от 1,50 до 1,70 см. При датировке строительных слоев нами изучался материал, извлеченный из раскопа в виде керамических и других изделий. Стратиграфия слоев также не противоречат этому определению. В этом разведывательном раскопе из вещевого материала, кроме многочисленных фрагментов керамики (орнаментированной и без орнамента), сделанной на гончарном круге из красной, белой глины и из серой смеси, найдено два жернова, ножи, слюда и в большом количестве отдельные куски шлака и железа, целые кирпичи, относящиеся по своей форме к XIV—XV и XVII векам.

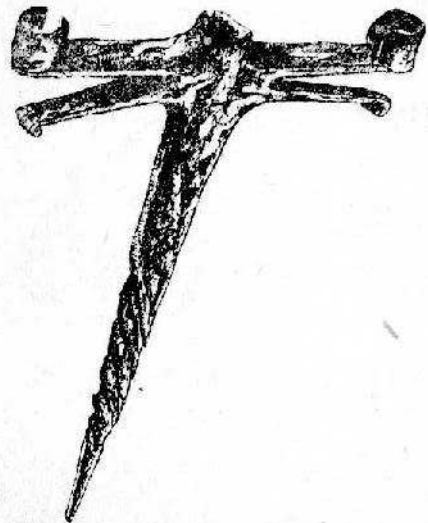

Рис. 4. Светец, найденный в кузнице Федора Быкова.

В 72 кв. метра. Для удобства фиксации площадь раскопа была разбита на 18 квадратов по 4 кв. метра. Сверху идет мощный насыпной слой, состоящий из кусков битого кирпича и различного мусора. В северо-восточной части раскопа он доходит до 50 см. Мусор ссыпался в связи с необходимостью планировки местности в XIX ст. (строительство сторожьи). Под мусором найдены медные монеты 1773 и 1798 годов, фигурные кирпичи, глиняный свисток с изображением головы животного, часть цепи — верига, жорюва и наконечник багра. На глубине 75 см. найдены: светлая конская подкова, подковки от сапог и много мелких фрагментов керамики.

Кузница Федора Быкова. На глубине 80 см. в южной части раскопа показался шлак, залегающий, как было выяснено при дальнейшем углублении, до 35 см. Площадь залегания этого мощного слоя шлака и гари в одном месте была более 8 кв. метров. Отдельные куски шлака разбросанно лежали по всему раскопу. На этой же глубине в северной части раскопа показался небольшой сруб, отдельные концы его уходили в стену раскопа. Видимо, здесь находился жилой дом, тогда как от самой кузницы сохранились отдельные доски и бревна, прослеженные по всему раскопу.

Все дерево очень плохой сохранности. От пола сруба сохранились лишь небольшие части плах. Пол лежал на слое глины в 15—20 см. В Новгороде при раскопках в Кремле неоднократно наблюдалась прокладка из глины под деревянный пол. В 1938 году раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге также обнаружили подобную особенность. По всей вероятности, накладкой слоя глины под пол преследовалось предохранение жилья от лишней сырости, так как глина обладает отмеченным свойством. В срубе найдены часть глиняного сосуда с зеленой поливой, несколько других фрагментов керамики, медный крючок.

При дальнейшем углублении были обнаружены главным образом металлические изделия и отдельные обломки металла в очень большом количестве, говорящем о большой кузнице. Шлак и отдельные куски металла, находимые в вышеописанном разведывательном раскопе, подтверждают, что кузница была довольно крупной.

Судя по найденному вещевому материалу, кузница производила светцы, сковороды, топоры, долота, кинжалы, ножи, подковы, гвозди, а также и другие хозяйственные материалы, как-то: крючки, петли, скобы. Найденный светец напоминает комбинацию светца и подсвечника со специальными держалками для лучин или даже свечей.

В описании Руссы, сделанном Чоголовым и дьяком Добрынею Семеновичем в 1625 г., значится в крепости, на ряду с другими дворами, одна кузница Федора Быкова. Все постройки в этой описи привязываются к башням и к церкви, так что после проведения нескольких раскопок будет полная возможность составления совершенно точной карты, как самой крепости, так и построек внутри ее.

Не подлежит никакому сомнению, что раскопками вскрыта кузница Федора Быкова. Сделанный мной на основе Чоголовской описи, еще до раскопок, примерный план построек крепости, куз-

Рис. 5. Спас-Преображенский собор XII—XV вв.

нищу указывал именно на этом месте, где она и была вскрыта. Кузница Федора Быкова (судя по вещевому материалу и залеганию шлака) просуществовала на этом месте не менее 2½ или 3-х столетий. Перестала она существовать в первой половине XVIII столетия.

При снятии шлака и расчистке всего раскопа до глубины 1 м. 20 см., кроме многочисленных металлических отходов кузницы найдены: глиняные бусы, деревянный гребень, металличе-

Рис. 6. Церковь Мины XV в.

ское кольцо, крест, костяная поделка с сердцевидным концом, обращенным острием кверху, с перекладной и отверстием в противоположном конце, костяная рукоятка ножа, части кожи и большое количество слюды, лежавшей в нескольких местах раскопа. Обнаруженные фрагменты керамики в этом слое, все почти без орнамента, за исключением некоторых фрагментов, имеющих волну, трехрядные выковыренные выемки в виде ямок и горизонтальные линии. На глубине 85 см. кусок зеленой поливной керамики с рельефными рубчиками и половина горшка с отогнутым горлом. На глубине 90 см. фрагмент керамики кирпичного цвета с рельефными изображениями листков.

В юго-восточном углу раскопа были обнаружены доски от позднего ящика для гашения извести.

При дальнейшем углублении до 140 см. в южной части раскопа обнаружены три небольших стоявших столба диаметром в 26 см. и три доски, оставшиеся лежать в слое от какой-то разрушенной постройки.

В северной части раскопа под слоем золы в 5 см. на площади около 16 кв. м. также лежали обгоревшие остатки дерева от разрушившегося в результате пожара сруба.

В этом слое найдены: свинцовое пряслице, обломок ножа, кусочек бронзы, фрагмент кожи, слюда, железный прут, железная скоба, скорлупа яйца, рыба чешуя.

На глубине 140 см. в юго-западной части раскопа обнаружены три глыбы, оставшиеся, по всей вероятности, от производ-

ства железа. Место, где лежали глыбы, пропитано какой-то жидкой черной массой.

В северной части раскопа на глубине 140 см. была обнаружена небольшая в 1 кв. метр яма глубиной в 30 см., засыпанная навозом, щепой и др. отбросами. В ней найден разбитый горшок с горизонтальной линией под горлышком, сделанный на гончарном круге.

При дальнейшем углублении состав культурного слоя резко меняется. На глубине от 140 см. до 170 см. до материковой глины залегал слой, состоящий из песка с растительным перегноем. В нем найдены: на глубине 160 см. обломок железного ножа, на глубине 160—170 см. в разных местах раскопа обнаружены мелкие фрагменты лепной керамики и мелкие кусочки кремня. Орнамент керамики состоит из углублений в форме ямок, разбросанных по стенкам сосуда. Этот слой относится к очень древнему времени. Датировать его по отмеченным находкам не представляется возможным. По всей вероятности, это удастся при продолжении раскопок в 1940 году.

Кроме описанных раскопов был также заложен разведывательный раскоп на береговом обрыве при совпадении рек Полисти, Порусьи и Перерытицы (см. генер. план). Раскоп площадью 1,5×6 м. был заложен с целью проверки слоев и выяснения возможности определения места стен и Покровской башни крепости. Башня стояла, как это значится в Чоголковской описи 1625 г., на северной конечности мыса при совпадении вышеупомянутых рек.

После тонкой дерновой прослойки шли разновременные слои, состоящие главным образом из строительного мусора позднейшего навала.

На глубине до 90 см. залегал слой битого кирпича с известью, ниже слой глины с известью, кирпичом и камнем до глубины 140 см. Этот слой датируется найденной медной монетой 1773 года.

Затем после 30 см. прослойки извести до материковой глины, показавшейся на глубине 180 см., шел также слой, состоящий из глины, мелкого кирпича, извести, угля, оставшийся на этом месте от строительства собора в XVII в.

Таким образом описанный разведывательный раскоп помог выяснить следующее:

1. Что это место в период XVII—XV вв. представляло собой самую нижнюю часть небольшого берегового обрыва и, следовательно, Покровскую башню и стены крепости следует искать, отойдя на несколько метров ближе к собору.

2. Нижний слой основного раскопа (между Воскресенским собором и сторожкой), залегавший на глубине 140—170 см. и состоящий из песка и дернового перегноя с включением немногочисленных фрагментов лепной керамики, свидетельствует, что это место в X—IX и в более древнее время представляло собой береговой участок и во время половодья затоплялось. Реки Полисть,

Перерытица и Порусья были значительно шире и полноводнее. За последние несколько десятков лет река Порусья превратилась в небольшой ручей. Следовательно, обнаруженные фрагменты лепной керамики в нижнем слое основного раскопа свидетельствуют, что нам удалось обнаружить следы древнейшего Старорусского поселения.

III

Наряду с проведением археологических раскопок, мною также изучались древние архитектурно-живописные памятники, сохранившиеся в Старой Руссе. Дореволюционная археология оставила их без исследования, хотя некоторые из сооружений представляют крупный научный интерес и могут быть приравнены к широко известным и первоклассным памятникам древнерусского зодчества.

Исследование их, как видно из вышеприведенного плана работ в Старой Руссе, является дальнейшей и продолжительной задачей экспедиции. В настоящем отчете даются лишь некоторые общие данные об архитектурных памятниках, находящихся в самом городе Старой Руссе. Памятники, имеющиеся в окрестностях города, в план работ экспедиции 1939 не входили.

Архитектурные памятники относятся к XII—XVII вв. и расположены в различных частях города. Наибольший интерес из сохранившихся памятников представляют собор б. Спасского монастыря и ц. Мины.

Спасский собор построен в 1198 году¹ и основательно перестроен, сохранив формы XII в., по заказу новгородского архиепископа Евфимия в 1442 г. Исследование кладки небольшого участка южной стены и северной абсиды показало, что она должна быть отнесена к XV веку. В южной пилястре в кладке XV века обнаружен кирпич-плинфа XII в. (обычный для кладки XI—XII веков). Сооружение имеет прямоугольный план, четыре столба, сильно выступающие пилястры и три абсиды. В соборе сохранился один фрагмент живописи (часть одежды и евангелие). Постройку церкви Мины в результате тщательного исследования кладки столбов и стен в нижней части церкви (сейчас нижний этаж; церковь разделена на два этажа, видимо, в XIX в.) нужно отнести к XV веку (кладка обычная для XV века — состоит из кирпича и плиты, последняя преобладает, швы тонкие). План церкви прямоугольный с четырьмя столбами, с сильно выступающими пилястрами и одной абсидой. Столбы обрезаны и сохранились в нижнем этаже.

Покрытие было позакומרное. На стене под закомарами древние двухступчатые впадинки, в других памятниках обычно украшающие барабан.

В абсиде сохранилось одно древнее окно.

Городской вал—внешний оборонительный пояс укреплений в гор. Старой Руссе.

Памятник, построенный, по нашему предположению, в XV в., представляет любопытный местный вариант: выступающие пилястры типа XII в., одна абсида, обычно встречающаяся в сооружениях XIII века (Никола на Липне и Параскева Пятница в Новгороде)¹.

Из других памятников представляют интерес церкви: Георгиевская, Троицкая, Никольская и несколько сооружений в б. Спасском монастыре.

Из военных сооружений обнаружены следы древнего городского вала, представлявшего из себя внешний оборонительный пояс укреплений.

¹ А. Строков и В. Богусевич «Новгород Великий». Ленинград, 1939, ст. 74, 81.